

Д.А. Черноглазов

**РИМСКАЯ ИСТОРИЯ УСТАМИ
ВИЗАНТИЙСКОГО ХРОНИСТА XII ВЕКА
(ЕЩЕ РАЗ О МЕТОДЕ ЗОНАРЫ-ИСТОРИОГРАФА)**

Излишне повторять, что Иоанн Зонара – выдающийся писатель двенадцатого столетия, а его хроника (“Сокращенная история”) занимает особое место в византийской историографии. Вместе с тем нужно признать, что метод работы Зонары над источником остается малоизученным. Труд Зонары – компилятивное сочинение. Чтобы верно оценить его идейное своеобразие и художественную природу, необходимо выяснить, какой материал он заимствует из источников и как он его перерабатывает. Необходимость такого рода исследований убедительно доказана в научных трудах Якова Николаевича Любарского¹.

В предшествующей работе мы рассмотрели соотношения труда Зонары с двумя ее источниками – “Обзрением истории” Иоанна Скилицы и “Хронографией” Михаила Пселла². Сопоставление хроники с этими текстами позволило выявить интересную закономерность: пересказывая сочинения предшественников, наш автор последовательно применяет методы, не типичные для византийской всемирной хроники. Так, многие летописцы распределяют материал во временной последовательности, а Зонара, напротив, нарушает хронологический порядок ради связности повествования. Результаты этого исследования побуждают продолжить изучение методов Зонары как историографа. Но если прежде мы анализировали свидетельства хрониста о событиях девятого–одинадцатого столетия, то теперь обратимся к его рассказу о римской истории.

Предметом изучения станет та часть труда Зонары, в которой изложена история Рима от Ромула до императора Александра Севера (Zon. II 84.18–III 123.23). Дальнейшие события описаны на основании утраченных сочинений, что исключает возможность пословного сопоставления текстов.

Однако прежде чем перейти к описанию методов работы хрониста, необходимо сделать отступление и определить, какие источники лежат в основе его повествования. Рассматриваемая часть “Сокращенной истории” обнаруживает параллели с целым рядом текстов. Рассмотрим по порядку соотношения хроники с каждым из них.

“РИМСКАЯ ИСТОРИЯ” ДИОНА КАССИЯ

Большинству византийских летописцев “Римская история” была известна лишь в позднейших переложениях и сокращениях. Наш автор, вопреки сложившейся традиции, обращается к этому тексту непосредственно. Сочинение

¹ Любарский Я.Н. Феофан Исповедник и источники его “Хронографии” (К вопросу о методах их освоения) / Византийские историки и писатели. СПб., 1999. С. 31–54; Об источниках “Алексиады” Анны Комниной // Византийские историки... С. 230–261.

² Черноглазов Д.А. Хроника Иоанна Зонары и ее источники (IX–XI вв.) // ВВ. 2004. Т. 63. С. 137–154.

нение Диона Кассия – основной источник Зонары для истории указанного периода. Прямая зависимость хроники от труда римского историка ни разу не ставилась под сомнение.

Найти полный текст “Римской истории” было в то время уже непросто. Еще Иоанн Ксифилин (конец XI в.), взявший на себя труд составить сокращенное изложение этого труда, указывал на обширную лауну: в рукописи была утрачена почти вся LXX книга, посвященная времени правления Антонина Пия. Пробел пришлось заполнять сведениями из других источников (Xiph. 658.21–23; 658.39–659.4). С теми же трудностями встречается и Зонара. Доведя повествование до событий 146 г. до н.э., он вынужден прерваться и сразу перейти к рассказу о Помпее. Столь значительный пропуск хронист объясняет “отсутствием книг”, повествующих о тех событиях (Zon. II. 339.10–11). Зонаре, по-видимому, недоступны и последние книги Диона Кассия. В известной ему рукописи текст “Римской истории” доводился, вероятно, только до императора Нервы или Траяна. Возможно, именно поэтому, повествуя о дальнейших событиях, писатель ограничивается пересказом эпитомы Ксифилина.

ЭПИТОМА ИОАННА КСИФИЛИНА

Иоанн Ксифилин был племянником своего знаменитого тезки – константинопольского патриарха Иоанна VIII (1064–1075)³. Краткое изложение (эпитому) части “Римской истории” Иоанн составил в годы царствования Михаила VII Дуки (1071–1078). Эпитома охватывает XXXVI–LXXX книги Диона Кассия – от походов Помпея до правления Александра Севера.

Первые исследователи хроники Зонары В.А. Шмидт и Т. Бюттнер-Вобст полагали, что наш автор остается верен Диону Кассию вплоть до конца его труда – до истории правления Александра Севера, а к труду Ксифилина обращается лишь тогда, когда кодекс “Римской истории” поврежден⁴. Это мнение было опровергнуто Буасевеном. В своей лаконичной статье ученый убедительно показал, что рассказ Зонары, посвященный периоду от Нервы (Траяна?) до Александра Севера восходит уже не к тексту Диона Кассия, а исключительно к эпитоме⁵.

“СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ЖИЗНЕОПИСАНИЯ” ПЛУТАРХА

Сообщения Диона Кассия Зонара нередко чередует с занимательными рассказами Плутарха⁶. Иногда “Сравнительные жизнеописания” становятся даже основным источником хроники: писатель пересказывает биографии Ромула, Нумы, Попликолы, Помпея и Цезаря. В других случаях Зонара заимствует у Плутарха отдельные эпизоды, детали и словесные обороты,

³ Подробнее о жизни и сочинениях Ксифилина младшего см. ODB.

⁴ Schmidt W.A. Über die Quellen des Zonaras // Zon. P. XLVIII–XLIX; Büttner-Wobst Th. Die Abhängigkeit des Geschichtsschreibers Zonaras von den erhaltenen Quellen // Commentationes Fleckeisenianae. Leipzig, 1890. S. 165–168.

⁵ Boissevain U.Ph. Zonaras' Quelle für die römische Kaisergeschichte von Nerva bis Severus Alexander // Hermes. 1891. 26. S. 440–452.

⁶ О соотношениях Зонары и Плутарха см.: Schmidt W.A. Über die Quellen...; Büttner-Wobst Th. Die Abhängigkeit...

дополняя ими переложение “Римской истории”. Так, рассказ Диона Кассия хронист сплетает воедино с текстом жизнеописания Камилла (Zon. II. 147–161). Повествуя о пленении македонского царя Персея, Зонара приводит не только версию своего основного источника, но и слова Плутарха, заимствованные из жизнеописания Эмилия Павла (Zon. II. 318.28–319.10). Ряд эпизодов и образных деталей, почерпнутых из биографии Брута, обогащают рассказ хрониста о битве при Филиппах⁷ (Zon. II. 393.30–398.13; см. также 398.14–399.11). Рассказывая о битве при Акции и о трагической гибели Антония и Клеопатры, писатель привлекает сведения из жизнеописания Антония (Zon. II. 427.8–434.21).

“ЦЕРКОВНАЯ ИСТОРИЯ” ЕВСЕВИЯ КЕСАРИЙСКОГО

Составляя всемирную хронику, Зонара остается верен канонам жанра: он не ограничивается рассказом о политических событиях, но уделяет внимание и истории церкви. По мнению большинства исследователей, сообщения писателя, относящиеся к церковной истории, восходят непосредственно к труду Евсевия⁸. Прямая зависимость хроники от этого сочинения ставилась под сомнение лишь К. Де Боором⁹. По мнению ученого, источником Зонары была не “Церковная история”, а неизвестный текст–“посредник”, в котором рассказ Евсевия был дополнен сведениями из других сочинений. Доводы Де Боора сводятся к следующим пунктам:

1. Зонара передает слова Евсевия в распространенной форме (исследователь не приводит конкретных примеров). Для хрониста это *не характерно*. Как правило, он либо копирует текст источника без изменений, либо сокращает его.

2. Исчисляя дату Рождества Христова, Зонара сравнивает свидетельства трех авторов – Евсевия, Иосифа Флавия и Диона Кассия. Зонаре это *не свойственно*. Следовательно, весь пассаж был в готовом виде заимствован у посредника.

3. Пересказ Евсевия сопровождается ссылками на других авторов – Филострата и Аппиана.

Безусловно, точка зрения немецкого исследователя имеет право на существование, но доводы Де Боора малоубедительны: в основе его аргументации лежат ошибочные представления о методе хрониста. Исследования показали, что Зонара нередко распространяет тексты источников¹⁰. Осмысленный и “критический” подход к сочинениям предшественников тоже не чужд писателю: можно указать и другие случаи, когда он сравнивает различные версии и приходит к самостоятельным выводам. Что же касается ссылок на Аппиана и Филострата, то хронист мог найти их на полях рукописи. Таким образом, у нас нет оснований отрицать прямую зависимость хроники от труда Евсевия Кесарийского.

⁷ О других причинах, побудивших Зонару включить эти эпизоды в свою хронику, см. ниже.

⁸ Schmidt W.A. Über die Quellen... S. XLIV–XLV; Büttner-Wobst Th. Die Abhängigkeit... S. 165, 167.

⁹ De Boor C. Römische Kaisergeschichte in byzantinischer Fassung // BZ. 1892. T. 1. S. 30–31.

¹⁰ Boissevain U.Ph. Zonaras' Quelle... S. 443–444; Черноглазов Д.А. Хроника... С. 142.

ДРУГИЕ ИСТОЧНИКИ

Зонара не всегда ограничивается пересказом своих основных источников. В его тексте можно найти немало параллелей и с другими сочинениями.

“Иудейская война” Иосифа Флавия. Повествовая о мятеже Веспасиана, Зонара приводит две различные версии. Одна из них восходит к утраченному тексту Диона Кассия (Zon. III. 49.1–8), а вторая заимствована из “Иудейской войны” Иосифа Флавия (Zon. III. 49.8–50.8, cf. Jos. I. 4).

Synopsisquelle. Рассказ Зонары о событиях III–IV столетий зачастую обнаруживает сходство с анонимным “Обзрением истории”, которое относится к XIII в. и приписывается Феодору Скутариоту. Сопоставив эти тексты, Э. Патциг пришел к выводу, что Зонара и Скутариот пользовались общим источником¹¹. Зависимость от этого утраченного сочинения обнаруживается и в рассматриваемой части хроники. Так, разрозненные сообщения Ксифилина о правлении Антонина Пия Зонара дополняет тремя эпизодами (Zon. III. 79.15–29; 79.30–80.2; 80.12–18). Как убедительно показал Патциг, эти эпизоды восходят именно к указанному источнику¹².

Excerpta Salmasiana (ES). Рассказ Зонары об истории Империи нередко обнаруживает параллели и с другим утраченным сочинением, сохранившимся в отрывках, известных как ES. Эти эксерпты содержатся в составе Codex Regius 1763. В лемме рукописи они приписываются Иоанну Антиохийскому, но в действительности навряд ли принадлежат ему¹³. Параллели между ES и хроникой носят различный характер. Чаще всего они сводятся к едва уловимым лексическим совпадениям. Ряд таких примеров в рассказе Зонары о раннем принципате отмечает ДиМайо¹⁴. По мнению исследователя, речь идет о прямой зависимости Зонары от этого труда (который ДиМайо уверенно приписывает Иоанну Антиохийскому). Такое заключение основано на гипотезе Патцига: ученый предположил, что труд, сохранившийся в ES, послужил непосредственным источником для рассказа Зонары о событиях III столетия¹⁵. Однако последующие исследователи оценивают гипотезу Патцига как весьма спорную¹⁶. Таким образом, и к выводу ДиМайо следует относиться *cum grano salis*. Ясно лишь одно: текст “Римской истории” хронист сравнивает с неизвестным историческим сочинением, которое либо идентично, либо родственно ES.

Итак, мы перечислили предполагаемые источники хроники Зонары для избранного нами периода. Это “Римская история” Диона Кассия, ее эпитома, составленная Иоанном Ксифилином, “Сравнительные жизнеописания” Плутарха, “Церковная история” Евсевия, а также утраченный источник

¹¹ Patzig E. Über einige Quellen des Zonaras I // BZ. 1896. T. 5. S. 24–53.

¹² Ibid. S. 34–36.

¹³ Boissevain U.Ph. Über die dem Ioannes Antiochenus zugeschriebenen Excerpta Salmasiana // Hermes. 1887. 22. S. 161–178.

¹⁴ DiMaio M. The Antiochene Connection: Zonaras, Ammianus Marcellinus, and John of Antioch on the Reigns of the Emperors Constantius II and Julian. Appendix A: Zonaras, Dio Cassius and John of Antioch // Byzantion. 1980. T. 50. P. 174–183.

¹⁵ Patzig E. Die römischen Quellen des salmasischen Joannes Antiochenus. Mit einem Anhang zur Textkritik der Scriptorum Historiae Augustae // BZ. 1904. T. 13. S. 13–50.

¹⁶ Bleckmann B. Die Reichskrise des III. Jahrhunderts in der spätantiken und byzantinischen Geschichtsschreibung. Untersuchungen zu den nachdionischen Quellen der Chronik des Joannes Zonaras. München, 1992. S. 45–46.

Скутариота, “Иудейская война” Иосифа Флавия и неизвестный текст, родственный *Excerpta Salmasiana*. Исследователи уже многократно отмечали, что для византийской всемирной хроники подобный набор источников нетипичен. Излагая светскую историю Ветхого Рима, многие предшественники Зонары довольствовались скухими и разрозненными заметками *Excerpta Salmasiana*, а иногда и вообще ограничивались перечнем имен и дат – не заполненной событиями хронологической таблицей. Хроника Зонары резко выделяется на этом фоне – подробный рассказ писателя напрямую восходит к сочинениям античных авторов. Однако неверно было бы вслед за некоторыми исследователями¹⁷ полагать, что на этом своеобразии хроники исчерпывается. Оригинальность труда Зонары не только в подборе источников, но и в методах их переработки. Этот вывод, высказанный аргументированно, мы попытаемся обосновать в наших последующих рассуждениях.

* * *

Пересказывая “Обозрение истории” Иоанна Скилицы и “Хронографию” Михаила Пселла, Зонара нередко трактует их сообщения по-своему, подвергает их тексты идеологической правке¹⁸. Желая придать вес своим политическим взглядам, автор приписывает их даже справедливейшему императору Феофилу¹⁹. В рассказе писателя о римской истории тоже можно найти немало следов индивидуальной авторской позиции.

В нескольких случаях Зонара выражает свои взгляды открыто. Хронист прямо вмешивается в повествование и вставляет свой собственный эмоциональный комментарий. Рассмотрим два таких примера. Вслед за Дионом Кассием Зонара повествует о позоре и безумии Антония при дворе Клеопатры. Перечень обвинений завершается тем, что Антоний подпоясывался акинаком и носил платье не по римскому обычаю (λαρὰ τὰ λάρια). Упомянув об этом, хронист не в силах удержаться от восклицания: “Если чужеземное платье вменялось в вину ему – консулу и военачальнику ромеев, то как же не смеяться и не обвинять нынешних государей ромейских, которые переоблачились супротив обычая и носят варварское платье не иногда, а постоянно?” (Зон. II. 423.15–20). Вводя этот риторический вопрос, Зонара затрагивает весьма актуальную для него тему. По мнению писателя, одна из важнейших обязанностей императора – блюсти чистоту древних законов и обычаев (Ерп. 766.10–11). Алексей Комнин же, по словам Зонары, заботился о том, чтобы изменить и упразднить их (Ерп. 766.11–13).

Такие комментарии вообще очень характерны для Зонары. Их можно найти и в каноническом труде нашего автора²⁰. Они нередко построены на антитезе τότε – νῦν (тогда – теперь). Сравнивая “век нынешний и век минувший”, Зонара вновь и вновь приходит к неутешительному выводу: законы

¹⁷ См., к примеру: *Bleckmann B. Die Reichskrise... S. 7.*

¹⁸ Об идейных позициях Иоанна Зонары и Никиты Хониата см.: *Magdalino P. Aspects of Twelfth Century Byzantine Kaiserkritik // Speculum. 1983. Т. 58. P. 326–346.* В этой же работе см. ряд примеров идеологической переработки источника в хронике Зонары.

¹⁹ *Черноглазов Д. А. Хроника... С. 144.*

²⁰ *Macrides R. Perception of the Past in the Twelfth-Century Canonists // Byzantium in the Twelfth Century. Canon Law, State and Society / Ed. N. Oikonomides. Athens, 1991.*

попираются, древние обычаи забыты, царская власть обратилась в тиранию, а синклит упразднен (RP. II. 282–284).

Другой, не менее показательный пример относится к истории Республики. Следуя, видимо, утраченному тексту Диона Кассия, Зонара объясняет значение прозвища Цинциннат: он назывался так потому, что “носил длинные кудри”. Следующая фраза – это, видимо, язвительный комментарий самого хрониста: “Их (Цинциннатов) нынче при дворе множество. Стоило тогда этому пороку проникнуть в государство – и вот: Цинциннаты теперь повсюду!”. Пример аналогичен предыдущему: Зонара вновь касается важной и злободневной для него темы. Достаточно вспомнить слова того же Зонары в комментарии на 96 канон Трулльского собора: Зонара восклицает: “Что может быть более противоестественным и избыточным украшением, чем заплетать волосы? Уже Отцы Церкви упоминают о плетении и украшении волос. Ведь тогда творилось то же самое, что делается и теперь. Люди, которые красят и поддельывают волосы (τριχόβαλταις καὶ τριχολάοταις), прикладывают все усилия, чтобы отрастить их длиннее, завивают женские локоны, ниспадающие до пояса. (...) В таком виде они являются в церковь, и священнослужители не налагают на них эпитимию, но, напротив, благословляют и даже – о ужас! – допускают к причастию” (RP. II. 534–535). Гневная речь Зонары значительно превосходит по объему трезвый и лаконичный комментарий его младшего современника Вальсамона – вопрос о ношении кудрей явно не оставляет его равнодушным. Упоминание о Цинциннате – это для писателя лишний повод высказаться на злободневную тему и посетовать на испорченные нравы современности. Суждение о “нынешних временах” окрашено в неизменно мрачные тона.

Итак, мы убедились, что Зонара не скрывает своих воззрений. Повествуя о событиях глубокой древности, он не упускает возможности выразить свои взгляды на современность. Эта тенденция характерна для литературы XI–XII вв. Авторы этой эпохи уже не скрывают своей индивидуальной позиции²¹ и открыто выражают свою точку зрения даже во всемирных хрониках. Прямые авторские “вмешательства” отмечены, к примеру, в “Краткой истории” Михаила Пселла²² и в “Обзрении истории” Константина Манасси²³. Однако неверно было бы утверждать, что идейные позиции Зонары проявляются только в самостоятельных комментариях. По всей видимости, взгляды автора выражаются в хронике и другими, косвенными путями.

Можно предположить, что политическая позиция и интересы автора нередко влияют на подбор материала. Обратимся к одному из таких случаев. Поведав о том, как Камилл в 384 г. вошел в город Фалерии, Зонара, следуя Плутарху, сообщает о недовольстве римского войска: “Воины ожидали, что им будет позволено разграбить Фалерии, и они принялись клеймить Камилла ненавистником народа” (Zon. II. 152.13–14, cf. Plut. Camill. 11). Слова Плутарха хронист дополняет свидетельством другого автора, вероятно, Диона

²¹ *Ljubarskij Ja.* “Writers’ intrusion” in *Early Byzantine Literature* // *Византийские историки...* С. 344–347.

²² *Любарский Я.И.* “Краткая история” Михаила Пселла: существует ли проблема авторства? // *Византийские историки...* С. 174–181.

²³ *Reinsch D.R.* *Historia ancilla litterarum? Zum literarischen Geschmack in der Komnenenzeit: das Beispiel der Σύνοψις χρονική des Konstantinos Manasses* // *Pour une “nouvelle” histoire de la littérature byzantine.* P., 2002. S. 88–92.

Кассия: “Зависть все росла, и Камилла обвинили в том, что из тирренской добычи он в казну (τὸ δημόσιον) ничего не отдал, а многое присвоил” (Zon. II. 152.15–17). Дальнейший текст вновь восходит к жизнеописанию Камилла. Почему Зонара включает в пересказ Плутарха фразу из другого источника? Однозначно ответить на этот вопрос, разумеется, невозможно. Ясно лишь то, что обвинение, предъявленное Камиллу, звучит для писателя очень актуально. В сущности, то же обвинение хронист адресует своему современнику Алексею Комнину: император считал государственное достояние (τὸ δημόσιον) своей собственностью и одаривал из казны своих родичей и слуг (Erit. 732.15–733.1; 767.2–8; см. также 15.9–16). Может быть, именно злорадия побуждает писателя включить эту фразу в свое повествование?

Рассмотрим еще один сходный пример. Повествуя о правлении Антонина Пия, Зонара, как уже было упомянуто, следует Ксифилину, но при этом дополняет его рассказ тремя эпизодами, заимствованными из утраченного сочинения. Первые два из них – короткие сообщения, касающиеся законодательной деятельности Антонина (Zon. III. 79.30–80.2; 80.12–18). Их появление в хронике Зонары не случайно: хронист, как бы сказали византийцы, служитель “италийской музы” – его интерес к римскому праву отмечался неоднократно²⁴. Но третий эпизод еще интереснее. Перед нами вставная новелла, в которой говорится о великодушном поступке римского императора. Нуждаясь в средствах для ведения войны, он не облагает подданных непомерными налогами, а распродает свои собственные сокровища и украшения супруги (Zon. III. 79.15–29)²⁵. Что побуждает хрониста отвлечься от основного источника (эпитомы Ксифилина) и привести этот пространственный эпизод? Вероятно, и здесь сказались политические взгляды писателя. Антонин выступает как положительный император, и Зонара, видимо, хочет представить его антиподом Алексея Комнина. Византийский тиран присваивает государственное достояние, а римский император, наоборот, жертвует ради государства своей собственностью.

Идейные позиции хрониста определяют не только подбор материала, но и его обработку. Так, например, Плутарх сообщает, что Ромул назвал лучших (ἀρίστους) граждан патрициями и создал из них сенат (Plut. Rom. XIII. 2). Зонара, заимствуя эту фразу, значительно распространяет ее (Zon. II. 91.18–21). Согласно хронисту, сенат был составлен не просто из лучших, а из “наиболее прославленных своим родом, мудростью и образом жизни” (τῶν... περὶ φανεωτέρων γένοι τε καὶ συνέσει καὶ βίου ἀρέσει – гомеотелевты придают фразе большую выразительность). Это преобразование не случайно. Зонара – представитель гражданской знати, которая в результате *renovatio imperii* утратила прежнее положение²⁶. В хронике и других сочинениях Зонара не-

²⁴ Magdalino P. Aspects...; Macrides R. Perception of the Past... P. 591–592. Интерес хрониста к римскому праву особенно заметен в его рассказе о Республике: Зонара подробно повествует, например, о полномочиях народных трибунов (Zon. II. 130.5–132.20), о законах Двенадцати таблиц (Zon. II. 139.10–140.10), о правах диктатора (Zon. II. 126.3–29), об учреждении должности квестора (Zon. II. 123.30–124.11).

²⁵ Зонара ошибочно приписывает это деяние Антонину Пию. Согласно остальным источникам, этот поступок совершил Марк Аврелий (SHA. Marc. 17; Eutrop. 8. 13; ES 117M; Man. 2181–2200).

²⁶ О положении византийской гражданской знати в XI–XII вв. см.: Каждан А.П. Социальный состав господствующего класса Византии XI–XII вв. М., 1974.

однократно заявляет, что синклитиков должно уважать, и жалуется, что нынешние государи-тираны пренебрегают сенатским сословием и унижают его (Ерit. 15.7; 729.10–13; 733.1–3; 766.17–19). Вполне возможно, что именно современное положение старой гражданской аристократии побуждает нашего хрониста подчеркнуть достоинства первых римских сенаторов. Эту похвалу можно расценивать как скрытый упрек в адрес Комнинов, которые ни во что не ставят лучших и знатнейших.

Приведем еще один подобный пример. Эпитама LXIX книги “Римской истории”, посвященной правлению императора Адриана, содержит следующую фразу (Xiph. 652.28–29): ἔλραττε δὲ καὶ διὰ τοῦ βουλευτηρίου πάντα τὰ μεγάλα καὶ ἀναγκαιότατα²⁷. Заимствуя это сообщение, наш хронист не копирует текст Ксифилина дословно, а слегка распространяет его (Zon. 72.25–26): καὶ πάντα δὲ τὰ μεγάλα καὶ ἀναγκαῖα οὐκ ἰδία, ἀλλὰ μετὰ τῶν βουλευτῶν ἔλραττε²⁸.

Итак, Зонара вводит в предложение антитезу. Можно предположить, что это изменение тоже связано с политическими взглядами писателя. Проблема соотношений императора и сената, как мы уже видели, весьма актуальна для нашего автора, и он считает нужным особо подчеркнуть, что Адриан правил не единолично, а вместе с сенаторами.

Особого рассмотрения заслуживает рассказ Зонары о Юлии Цезаре. Здесь идейные позиции хрониста побуждают его к более значительным и последовательным преобразованиям.

Зонара пересказывает жизнеописание Цезаря Плутарха, а затем обращается к Диону Кассию и заимствует у него перечень невиданных почестей, которые диктатор получил от сената. В источнике этот пассаж предваряется следующими словами: “Конечно, в том, что Цезаря стали ненавидеть, есть доля его вины, но ведь сенаторы сами возвысили и вознесли его теми новыми и чрезмерными почестями, за которые потом стали поносить и клеймить его, ибо он де охотно принимал их и окружил себя роскошью. Бывало, разумеется, что и Цезарь был неправ, соглашаясь на некоторые из даров – он полагал, что его и вправду считают достойным этих наград. Однако в большей степени были виноваты они – те, что первыми принялись осыпать его почестями, а затем за то, что сами присудили, и обвинили его” (Dio. Cass. XLIV. 3. 1–2). У Зонары перечень сопровождается совсем другим введением, более кратким, но не менее выразительным: “Вот как погиб Цезарь от собственного властолюбия и честолюбия – зная его жажду славы и первенства, льстецы награждали его все новыми почестями” (Zon. II. 371.15–19). Из перевода ускользает словесная игра – хронист употребляет четыре композита с одним корнем: φιλοτιμία, φιλαρχία, φιλόπρωτον, φιλόδοξον. Парономасия призвана усилить выразительность фразы.

Нетрудно заметить, что реплика Зонары отнюдь не восходит к “Римской истории”. Зонара дает событиям принципиально новую оценку. Слова Диона Кассия – гневная инвектива в адрес сенаторов. Это они виновники убийства Цезаря и зачинщики гражданских войн, а бесконечный список почестей – вопиющее свидетельство их лицемерия и коварства. У Зонары все иначе: вина

²⁷ “Все наиболее значительные и важные решения он (Адриан. – Д. Ч.) согласовывал с сенатом”.

²⁸ “Все важные и значительные решения он принимал не единолично, а вместе с сенаторами”.

перекладывается на самого диктатора – льстецы угождали ему потому, что знали о его тщеславии. В ином контексте оказывается и перечень почестей. Нагромождение титулов свидетельствует уже не против лукавых сенаторов, а против самого Юлия Цезаря. Византиец подчеркивает свою самостоятельную позицию и в заключительной фразе, завершающей перечень: “Все это возбуждало зависть, или скорее негодование, и так Цезарь восстанавливал против себя многих, пока не пришел ему конец” (Zon. II. 372.15–17). Эта итоговая ремарка призвана, вероятно, еще раз подчеркнуть, что Юлий Цезарь сам стал виновником своей гибели.

Негативное отношение хрониста к Юлию Цезарю отражается и на подборе материала. Обратимся к той части рассказа Зонары, где он следует Плутарху. Упомянув о стремлении героя к царской власти, античный автор замечает: “В остальном же Цезарь держал себя безупречно”, и далее повествует о его деяниях и помыслах, достойных похвалы и свидетельствующих о его “деятельной натуре” (μεγαλοουρία). Мы узнаем, что Цезарь великодушно прощает врагов, задумывает устройство гавани, весьма полезной для судоходства, и реформирует календарь, по словам Плутарха, “дело в высшей степени полезное” (Caes. LVII–LX). Зонара значительно сокращает эти главы жизнеописания (до девяти строк), ни словом не упоминает о переустройстве календаря и, разумеется, опускает вводную фразу о “безупречности” героя (Zon. II. 368.2–10). Предосудительные поступки Юлия Цезаря, напротив, старательно фиксируются. Например, следуя Плутарху, наш автор рассказывает о том, как диктатор нанес оскорбление сенаторам, не поднявшись им навстречу (Zon. II. 368.30–369.3). Показательно, что при этом Зонара опускает все те детали, которые могли бы хоть сколько-нибудь оправдать Цезаря в глазах читателей. Так, он умалчивает о том, что впоследствии Цезарь горько сожалел о случившемся и признавался друзьям, что не имел намерения никого оскорбить (Plut. Caes. LX. 6).

Осуждение Цезаря сочетается у хрониста с положительной оценкой его противников. Повествуя об убийстве тирана и о битве при Филиппах, Зонара вновь проявляет тенденциозность в подборе материала. С одной стороны, хронист не спешит осудить цезареубийц вслед за Дионом Кассием – римский историк считает причиной их преступления “зависть” и называет заговорщиков в числе зачинщиков гражданских войн (Dio. Cass. XLIV. 1). С другой стороны, Зонара заимствует у Плутарха ряд эпизодов, свидетельствующих о доблести и благородстве приверженцев Брута и Кассия. Так, хронист описывает подвиг Луциллия, выдавшего себя за Брута (Zon. II. 397.16–31). Рассказывая о самоубийстве Марка Катона, византиец, цитируя Плутарха, причисляет его к “лучшим и отважнейшим” из римлян (Zon. II. 397.9–10).

Чем Юлий Цезарь заслужил такую неприязнь со стороны византийца XII столетия? Причина, вероятно, в том, что в глазах писателя он прежде всего тиран. Согласно Зонаре, правителю подобает хранить чистоту древних законов и уважать сенат. Цезарь поступает совсем иначе – он узурпирует власть, принимает вопреки закону чрезмерные почести и выказывает сенаторам открытое пренебрежение. Не случайно хронист, вслед за Плутархом (Caes. LVII. 1), именует власть Цезаря тиранией и подчеркивает это определение словом *ἄτιμος* (Zon. II. 367.30). Наверное, именно поэтому

Зонара не осуждает Брута и Кассия – “тирания” Цезаря дает им законное *jus resistendi*²⁹.

Таким образом, повествуя о Юлии Цезаре, Зонара подвергает тексты двух источников – Диона Кассия и Плутарха – целенаправленной идеологической переработке. Он тенденциозно подбирает материал и сопровождает пересказ “Римской истории” самостоятельным оценочным комментарием. Последовательная правка приводит к ощутимым результатам. Плутарх и Дион Кассий создают сложный и многогранный образ Юлия Цезаря. “Заключительного определения одной чертою” ему не дать. Зонара пишет образ этого героя одной лишь черной краской. Юлий Цезарь предстает как возгордившийся тиран, который пал жертвой собственного тщеславия и не заслуживает никакого сочувствия.

До сих пор говорилось о политической тенденциозности Зонары и о различных проявлениях его индивидуальной позиции. Однако работа хрониста над источниками, разумеется, не сводится к идеологической переработке. Под пером Зонары тексты предшественников претерпевают и другие изменения.

Излагая римскую историю, Зонара берет на себя труд пересказывать произведения античных авторов. Это обширные тексты и хронисту придется значительно сокращать их. Как он это делает? Метод писателя не типичен для его предшественников. Он не искусственно “вырезает” из источника отдельные фразы и эпизоды, а суммирует текст своими словами, сохраняя основной смысл. Достаточно одного примера. Дион Кассий подробно рассказывает о том, как Антоний разными способами пытался завлечь к себе в лагерь армянского царя, дабы захватить его в плен (*Dio. Cass. XLIX. 32. 2–4*). Опуская этот детальный рассказ, хронист вмещает его в одну фразу: “Замышляя, как бы наказать Армянина, Антоний, как гласит пословица, испробовал все ходы (πάντα λίθων κινῶν), пока наконец не убедил его войти в лагерь” (*Zon. II 419.20–24*). Пословица, приведенная Зонарой, в источнике отсутствует. Включив ее в свой рассказ, наш автор предельно кратко и не без изящества передает смысл объемного пассажа “Римской истории”.

Теперь обратимся к тем случаям, когда наш автор не ставит перед собой цели сократить источник. Зонара и здесь не склонен копировать текст дословно, а, напротив, систематически вносит сходные изменения. Так, например, хронист последовательно преобразует аористные формы в перфект и плюсквамперфект³⁰. Почему он так поступает? Семантическое различие

²⁹ О “праве на сопротивление” тирану в Византии см.: *Медведев И.П.* Правовая культура Византийской империи. СПб., 2001. С. 57–72.

³⁰ Примеры многочисленны. Ограничимся немногими:

Plut. Rom. VIII. 5, cf. Zon. II. 89.24–25: ἔλεμψε > λέπομφε

Plut. Rom. IX. 4, cf. Zon. II. 90.7: ὀρμήσασι > ὄρμημένοις

Dio. Cass. XLVI. 42.4, cf. Zon. II. 382.3: ἔλεμψε > ἐκλέπομφε

Dio. Cass. XLVII. 22.3, cf. Zon. II. 390.13–14: πραχθέντα > πεπραγμένα

Dio. Cass. XLVIII. 44.5, cf. Zon. II. 407.7–9: κατέλιπεν > καταλέλοιπεν

Dio. Cass. XLVIII. 54.2, cf. Zon. II. 409.13–14: ἀντέλαβεν > ἀντέλιψηεν

Dio. Cass. XLIX. 5.5, cf. Zon. II. 411.12: ἀπεσώθη > διασέσωστο

Dio. Cass. XLIX. 11.1, cf. Zon. II. 413.6: ἐγένετο > γέγονε

Dio. Cass. LIX. 3.6, cf. Zon. III. 13.27: προαπέθανε > προετεθνήκει

Xiph. 656.20, cf. Zon. III. 75.26: ἐνόμισε > νενόμιστο

Xiph. 680.12, cf. Zon. III. 93.30: ἐξετέθη > προὔτεθειτο

между этими глагольными временами уже давно стерлось, но взамен возникло различие стилистическое. Аорист был более общеупотребительным и стоял ближе к разговорной речи. Древний перфект, напротив, воспринимался как признак изысканного “аттического” стиля³¹. Последовательная замена аориста перфектом объясняется, вероятно, сознательной тенденцией к архаизации языка. По той же причине Зонара зачастую преобразует множественное число в двойственное³², хотя здесь наш автор не столь последователен.

Та же тенденция проявляется и на лексическом уровне. Общеупотребительные слова источника хронист нередко заменяет архаизмами, которые встечаются лишь у Гомера и трагических поэтов. Так, например, вместо нейтрального *πολεμικός* (Xiph. 642.42) он вводит эпическое *ἄρηιος* (Zon. III. 66.25), существительное *κεφαλή* (Euseb. II. 11) заменяет на *κάρα* (Zon. III. 36.18), для глагола *κοιμάμαι* (Plut. Caes. LXIII. 8) находит редкий гомеровский синоним *παριαύω* (Zon. II. 370.3). Словосочетанию *εἰς τὴν γῆν πεσῶν* (Xiph. 642.34) Зонара предпочитает *ἐς οὐδας κατακλιθεῖς* (Zon. III. 66.17–18).

Стремление к архаизации стиля сочетается у Зонары с другой тенденцией. Преобразуя источник, хронист зачастую вводит разнообразные риторические фигуры. Излюбленный прием писателя – параномасия. Приведем несколько случаев, в которых Зонара, по-видимому, намеренно преобразует текст источника, чтобы его рассказ содержал сходные по звучанию слова³³.

Plut. Numa III. 1: *ὑπονοίας καὶ θορύβοις περιέπιπτον ὡς μεθιστάντες εἰς ὀλιγαρχίαν τὰ πράγματα... βασιλεύεσθαι οὐκ ἐθέλοιεν.*

Zon. II. 98.29–99.1: *ἀλλὰ καὶ οὕτως ἐξ ὑπονοίας ἐφύοντο θόρυβοι, ὑποπτευομένων τῶν πατρικίων εἰς ὀλιγαρχίαν τὴν πολιτείαν περιστᾶν καὶ μὴ βούλεσθαι βασιλεύεσθαι.*

Dio. Cass. XLVII. 14. 2. 4: *τοὺς τὰ χωρία ἔχοντας τὸ ἥμισυ τῶν προσόδων αὐτῶν ἀφείλοντο... τὸ μὲν οὖν πλῆθος τῶν στρατιωτῶν τούτοις ἀνηρτῶντο, τῶν δὲ δὴ λογιμωτέρων τοὺς μὲν τοῖς κτήμασι τοῖς τῶν ἀπολλυμένων ἐδεδέαζον τὰ μὲν ἐλευωνίζοντες, τὰ δὲ καὶ προῖκα σφισι χαρίζόμενοι, τοὺς δὲ καὶ ταῖς ἀρχαῖς ...αὐτῶν ἐτίμων.*

Zon. II. 388.17–20: *καὶ τοὺς τῶν χωρίων κτήτορας τὸ ἥμισυ τῶν προσόδων ἀφείλοντο, καὶ τὰ κτήματα τῶν κτεινομένων τοῖς στρατιώταις παρείχον, τὰ μὲν δῶρον, τὰ δὲ ἐλευωνίζοντες.*

Dio. Cass. XLVII. 22. 2: *ὡς οὖν καὶ ἐκ τοῦ δόγματος τὴν ἡγεμονίαν ἐβεβαίωσατο, αὐτὸς τε ἐπὶ πλεῖον προεθυμήθη καὶ τὸ ὑπήκοον ἀπροφασίστως συναρρόμενον ἔσχε.*

Zon. II. 390. 13–14: *κάντεῦθεν αὐτὸς τε γέγονε προθυμότερος καὶ ὑπεῖκον ἀπροφασίστως ἔσχηκε τὸ ὑπήκοον.*

Dio. Cass. XLIX. 17. 3: *συγκαλέσας οὖν αὐτοὺς τὴν... σκευὴν τὴν στρατηγικὴν ἀπεδύσατο.*

³¹ Böhler G. Untersuchungen zum rhetorischen Sprachgebrauch der Byzantiner mit besonderer Berücksichtigung der Schriften des Michael Psellos. В., 1956. S. 227.

³² Несколько примеров употребления Зонарой двойственного числа вместо множественного приводит И. Григориадис: *Grigoriadis I. Linguistic and Literary Studies in the Epitome Historion of John Zonaras. Θεσσαλονίκη*, 1998. P. 128–129.

³³ И. Григориадис отмечает ряд других случаев параномасии в хронике Зонары (*Grigoriadis I. Linguistic and Literary Studies...* P. 149–156), но, к сожалению, не указывает, какие из них в готовом виде заимствованы у предшественников, а какие введены самим автором в результате целенаправленной переработки источников.

Zon. II. 414. 27–29: συγκαλέσας οὖν αὐτοὺς καὶ τὸ στρατιωτικὸν ἀποδυσάμενος ἔνδυμα.

Euseb. III. 20: τότε ἠρώτησεν αὐτούς, πόσας κτήσεις ἔχουσι.

Zon. III. 62. 7–8: προσεπήρετο οὖν πόσας κέκτηνται κτήσεις.

Chrh. 672. 36–39: καὶ ὁ δῆμος... ὤρμησε πρὸς τὸν Κόμοδον... πολλὰ μὲν ἐκείνῳ ἀγαθὰ ἐπευχόμενος, πολλὰ δὲ κατὰ τοῦ Κλεάνδρου καταρώμενος.

Zon. III. 89. 9–11: καὶ ὁ δῆμος... ὤρμησε πρὸς τὸν Κόμοδον... ἐκείνου μὲν ὑπερευχόμενος, τοῦ Κλεάνδρου δὲ κατευχόμενος.

Euseb. VI. 2: ἐκείνος δὲ τῷ μὲν δοκεῖν εἰς πρόσωπον ἐπέπληττεν αὐτῷ, μηδὲ ὑπὲρ ἡλικίαν μηδὲ τῆς προφανοῦς διανοίας περαιτέρω τι ζητεῖν παραινῶν, ἰδίως δὲ παρ' ἑαυτῷ τὰ μεγάλα γεγηθῶς, τὴν μεγίστην ὠμολόγει τῷ... Θεῷ χάριν.

Zon. III. 108. 7–9: ἐκείνος δὲ λόγῳ μὲν ἐπέπληττε τὸν παῖδα τῆς πολυπραγμοσύνης, τῇ δ' ἀληθείᾳ τὴν αὐτοῦ διάνοιαν *ἔξεπλήττετο*³⁴.

Другая риторическая фигура, характерная для нашего автора – гомеотелевты. Пересказывая источник, писатель нередко вводит рифмованные окончания, хотя, следует отдать ему должное, этим приемом Зонара не злоупотребляет. Хронист не выстраивает утомительно длинных периодов, а ограничивается, как правило, двумя или тремя гомеотелевтами. Приведем несколько примеров.

Dio. Cass. L. 14. 2: ...οὐ μόνον οὐδὲν τῆς νίκης ἀπώνητο, ἀλλὰ καὶ προσδιεφθάρη.

Zon. II. 425.29–30: οὐ μόνον οὐδὲν τῆς νίκης οἱ τοῦ Ἀντωνίου *ἀπώναντο*, ἀλλὰ καὶ *ἀπώλοντο*.

Chrh. 655.32–33: Ὁ μὲν οὖν τῶν Ἰουδαίων πόλεμος ἐς τοῦτο ἐτεκεύτησεν, ἕτερος δὲ ἐξ Ἀλανῶν... ἐκινήθη.

Zon. III. 75.5–7: Ὁ μὲν δὴ πρὸς Ἰουδαίους πόλεμος οὕτως ἦνυστο, ὁ δὲ πρὸς Ἀλβανούς... *κεκίνητο*.

Chrh. 667.21–23: νῦν δὲ τῇ ἑπτακαίδεκάτῃ τοῦ Μαρτίου μετήλλαξεν, οὐχ ὑπὸ τῆς νόσου... ἀλλ' ὑπὸ τῶν ἰατρῶν, ὡς ἐγὼ σαφῶς ἤκουσα, τῷ Κομόδῳ χαριζομένων.

Zon. III. 85.18–19: ἀλλὰ μετήλλαξε, τῶν ἰατρῶν αὐτὸν κατεργασαμένων, ὡς λέγεται, τῷ Κομόδῳ χαριζομένων.

* * *

Итак, мы перечислили и охарактеризовали основные методы нашего хрониста, которые проявляются в рассматриваемом разделе “Сокращенной истории”. В заключение остается поставить вопрос: насколько Зонара последователен в своих методах? Не меняются ли его подходы к источникам на протяжении труда? Сравнение показывает, что, излагая историю Рима и повествуя о событиях недавнего прошлого, писатель перерабатывает тексты сходными путями. Так, при сокращении источника он предпочитает не искусственно “монтировать текстовые блоки”³⁵, а пересказывать содержа-

³⁴ Выстраивая эту фразу, Зонара заботится не только о созвучии, но и о порядке слов: благодаря симметричному расположению глаголов ἐπέπληττε и ἔξεπλήττετο возникает эффект хиазма. К этому приему Зонара прибегает неоднократно, например: *Dio. Cass. LVII. 1. 1, cf. Zon. III. 1.6–8; Dio. Cass. LIX. 4. 5, cf. Zon. III. 14.7.*

³⁵ Любарский Я.Н. Феофан Исповедник...

ние своими словами. В тексты предшественников Зонара регулярно вносит сходные изменения, которые позволяют судить о вкусах автора и мере его образованности. Так, писатель подвергает источники стилистической правке: последовательно архаизирует стиль и украшает рассказ риторическими фигурами. Хронист питает особое пристрастие к парonomасии и гомеотелевтам.

Одну особенность метода Зонары в отношении римской истории необходимо отметить особо. История Рима для Зонары – не предмет отвлеченных научных занятий. Он отбирает и перерабатывает материал, исходя из своих идейных позиций, вкладывает в повествование новый, актуальный для него смысл, оживляет рассказ злободневным, нередко ироническим комментарием. Такое отношение к римской истории, конечно, не типично для византийской всемирной хроники вообще, но весьма характерно для историографии конца XI–XII столетий. В эту эпоху интерес к римским древностям возрастает, и вместе с тем возникает тенденция к актуализации истории Рима. Так, пересказывая труд Диона Кассия, Иоанн Ксифилин не ограничивается сокращенным изложением этого произведения, а прямо и косвенно выражает свои политические взгляды и касается актуальных проблем своего времени³⁶. Та же тенденция проявляется и у младшего современника Зонары Константина Манасси, автора стихотворной всемирной хроники. В отличие от Зонары, он в духе комниновской энкомиастической литературы³⁷ восхваляет Юлия Цезаря как царя-воина и при этом особо подчеркивает, что тот вынужденно пошел на переворот (Man. 1768–1779; восхваление пращур Цезаря – 1809–1820; неприязненный отзыв о Бруте и Кассии – 1828–1829). Причины, которые призваны оправдать Цезаря, очень подходят на оправдания Алексея Комнина в устах его дочери (Alex. II. 1, 4). Трудно отделаться от впечатления, что, вступаясь за Цезаря, Манасси в скрытой форме оправдывает своего старшего современника.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Alex. – *Anna Comnèna*. Alexiade (règne de l'empereur Alexis I Comnène 1081–1118) / Texte établi et traduit par B. Leib. T. I–III. P., 1937–1945

Epit. – *Ioannis Zonarae Epitomae historiarum libri XIII–XVIII* / Ed. Th. Büttner-Wobst. Bonnae, 1897

Man. – *Constantini Manassis Breviarium Chronicum* / Rec. O. Lampsidis. Vol. I–II. Athenis, 1996

RP. – *Σύνταγμα τῶν θεῶν καὶ ἱερῶν κανόνων* / Ἐκδ. ὑπὸ Γ. Ράλλη καὶ Μ. Ποτλῆ. Τ. I–VI. Ἀθήναι, 1852–1859

Xiph. – *Cassii Dionis Cocceiani Historiarum Romanarum quae supersunt* / Ed. U.Ph. Boissevain. Vol. III. Berolini, 1901. P. 479–730

Zon. – *Ioannis Zonarae Epitome historiarum* / Ed. L. Dindorf. Vol. I–VI. Lipsiae, 1868–1875

³⁶ Черноглазов Д.А. Эпизод римской истории глазами византийца XI века // Материалы XXXII Международной филологической конференции. Вып. 12: Классическая филология. СПб., 2003. С. 22–27.

³⁷ *Magdalino P. The Empire of Manuel I Komnenos, 1143–1180*. Cambridge, 1993.